

Оригинальная статья / Original article

Социальный кризис в ЕС: признаки аномии¹

© Д.И. КОЛЕСОВ

Колесов Денис Иванович, Институт Европы РАН (Москва, Россия), deniskolesov@gmail.com.
ORCID: 0000-0001-8713-2492

Множественность внутренних и внешних кризисов поднимает в Евросоюзе вопросы о векторе развития интеграционного объединения. Трансформация роли ЕС в условиях перестройки мировой политики и экономики неизбежно отражается в социальной сфере. В этом контексте развитие Евросоюза, с одной стороны, требует значительных социальных ресурсов и потенциала общественной мобилизации, с другой – представляет социальное изменение, которое предполагает преобразование социальной структуры и ценностей европейского общества. В связи с этим, актуальным становится вопрос, приводит ли совокупность кризисов к социальному (в значении социетального) кризису, охватывающему все европейское общество, институты и нормы. Социальный кризис рассмотрен на основе аномии. В качестве критерии для определения ее наличия как фактора социального развития выбраны политическое участие и социальная мобильность. Сделан вывод об особенностях протекания кризисных процессов в государствах – членах ЕС. В результате исследования выделены страны, в которых наиболее выражены признаки аномии.

Ключевые слова: социальный кризис, аномия, Евросоюз, политическое участие, социальный лифт, социальная мобильность

Цитирование: Колесов Д.И. (2024) Социальный кризис в ЕС: признаки аномии // Общественные науки и современность. № 6. С. 138–152. DOI: 10.31857/S0869049924060107, EDN: JATTXN

¹ Финансирование. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Funding. The article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

Social Crisis in the EU: Features of Anomie

© D. KOLESOV

Denis Kolesov, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), deniskolesov@gmail.com. ORCID: 0000-0001-8713-2492

Abstract: The multiplicity of internal and external crises in the European Union raises questions about the possible vector of its development. The transformation of the EU's role amid the restructuring of world politics and economy is inevitably reflected in the social sphere. In this context, the development of the EU, on the one hand, requires significant social resources and the potential for social mobilisation, on the other hand, represents a social change, which implies the transformation of the social structure and values of the society. In this context, the question becomes relevant whether the aggregate of crises leads to a social (in the sense of societal) crisis in the European Union, encompassing the entire European society, institutions and norms. The social crisis on the basis of anomie is considered. Political participation and social mobility are chosen as criteria to determine its presence as a factor of social development. It is concluded that there are differences in the perception of the situation as a crisis in different EU countries. The study identified countries in which features of anomie are most pronounced.

Keywords: social crisis, anomie, European Union, political participation, social elevators, social mobility

Citation: Kolesov D. (2024) Social Crisis in the EU: Features of Anomie. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 138–152. DOI: 10.31857/S0869049924060107, EDN: JATTXN (In Russ.)

Социальный кризис представляет собой острую форму социальных противоречий, в результате которых невозможно развитие общества. Вместе с тем понятие «кризис», как и «социальный кризис», в силу повсеместного использования приобретает характер иллюзорной очевидности, становится размытым и теряет значение [Амоненко 2022].

Общей для большинства современных подходов к определению кризиса выступает идея изменения (позитивного или негативного) как переломного периода или события в общественном развитии, «связанного с дезинтеграцией ключевых социальных институтов, обусловленного процессами делегитимации актуального социального порядка и возникновением новых форм социальной практики» [Колядко 2018, 92]. Другая схожая черта – это сочетание объективных характеристик общественного развития и понимания членами социума ситуации или процесса как кризисного [Локосов, 2008; Alexander 2018; Walby 2022].

В российской европеистике социальный кризис в основном рассматривают в узком смысле, тем самым сводя его к таким темам, как протестная активность и социальное размежевание. Исследователи анализируют кризис социальной Европы², кризис стоимости жизни [Говорова 2023], социальное отторжение [Дериглазова, Чепчугова, Менх 2021], социальное неравенство [Лункин 2023], социальные протесты [Латина 2023].

Ключевой характеристикой социального кризиса выступает состояние аномии³, т.е. систематическое отклонение от социальных норм; антисоциальное поведение, вызванное

² Сергеев Е.А., Воротников В.В. Социальная Европа и глобальный институциональный кризис: конец эпохи? Москва. 2023. 18 с. (<https://clck.ru/3EG9UB>).

³ Данный термин как категорию социологии ввел Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда».

несоответствием целей и интересов индивидуумов и нормативных путей их осуществления, «состояние, при котором значительная часть общества сознательно нарушает известные нормы этики и права» [Кара-Мурза 2012, 272]. Классические проявления аномии – это девиантное поведение: самоубийство (Э. Дюркгейм) и преступность (Р. Мертон). Несмотря на то что понятие «аномия» было предложено в 1893 г., актуальной исследовательской задачей остаются построение и совершенствование моделей и методов измерения аномии⁴ и выбор значимых критериев [Мещерякова 2014]. К последним относятся членство в религиозной организации, соотношение разводов и браков, электоральное поведение [Chamlin, Cochran 1995], бессмысличество существования, чувство недоверия, моральный упадок [Bashir, Bala 2019]. Однако в силу кризисного развития ЕС [Ferrera, Kriesi, Schelkle 2024] необходимо учитывать изменения нормативного поведения и рутинизацию практик, которые раньше считались девиантными («нормальную аномию») [Кравченко 2014; Катерный 2023].

Множественность внутренних и внешних кризисов в Евросоюзе поднимает вопросы о возможном векторе развития интеграционного объединения [Кавешников 2023], который предполагает не только институциональную, но и социальную трансформацию. Цель статьи – проанализировать состояние аномии в Евросоюзе и его государствах-членах как проявление социального кризиса. Статья не претендует на создание новой модели исследования аномии, а предлагает в качестве критериев для определения последней политическое участие на основе колебаний явки и социальную мобильность⁵. В силу трудности количественного измерения аномии и установления индикаторов в первую очередь рассмотрено нарастание «болезненных явлений» [Кара-Мурза 2013, 16].

Институциональное политическое участие и электоральное поведение

С точки зрения электорального поведения (например, в теории рационального избирателя) обычно предполагается, что высокое институциональное участие гарантирует стабильность демократии. Именно явка на выборы выступает условием для функционирования государства и гражданского общества, обеспечивает стабильность управления. В таком случае абсентеизм является формой девиантного политического поведения, обусловленного кризисом политической системы или ее трансформацией, падением политического доверия, кризисом электоральных или демократических институтов, несоответствием политических спроса и предложения [Бирюков и др. 2018; Kapsa 2020].

Падение явки на выборах выступает глобальным трендом⁶. Согласно исследованию Международного института демократии и содействия выборам 2016 г. (*International Institute for Democracy and Electoral Assistance, International IDEA*), высокий уровень явки в 1940-е–1980-е гг. сменился значительным падением (на 20%) во многом за счет электорального поведения в посткоммунистических государствах. Снижение затронуло и устоявшиеся демократии (на 10%). Абсентеизм свидетельствует не только о политической апатии, а об изменении каналов политического участия (развитии таких форм, как массовые протесты

⁴ К примерам моделей исследования аномии относятся институциональная теория аномии [Rosenfeld, Messner 2006], модель “don’t know anomie” («я не знаю – аномия») [Swader, Kosals 2013].

⁵ Эти показатели часто используются для измерения аномии, наряду с преступностью и уровнем самоубийств. См., например: [Bernburg 2019].

⁶ Kostelka F., Blais A. Global voter turnout has been in decline since the 1960s – we wanted to find out why. The Conversation. 22.09.2021. (<https://theconversation.com/global-voter-turnout-has-been-in-decline-since-the-1960s-we-wanted-to-find-out-why-167775>).

и социальные медиа) [Solijonov 2016]. Кроме того, политическое участие может зависеть от культурных факторов и восприятия выборов в обществе или семьи [Митрополитски 2016].

В докладе 2017 г. Объединенного исследовательского центра (JRC) при Европейской комиссии об участии в выборах в Европарламент (ЕП) в 1999, 2004, 2009, 2014 гг. представлены параметры, влияющие на избирательное поведение. Фрагментированность партийно-политического ландшафта, неравенство, неудовлетворенность государственными институтами и степень доверия к институтам ЕС обуславливают более активное политическое участие [Fiorino, Pontarollo, Ricciuti 2017]. Однако отсутствует прямая зависимость между показателем явки и отношением населения к Евросоюзу и его институтам, а «оптимистичный взгляд жителей на будущее ЕС также не всегда способствует высокой явке» [Кузнецов 2019, 22]. Рост участия в выборах в ЕП 2019 г. отражал развитие кризисных явлений: миграционный и экономический кризисы, обострение глобальной конкуренции и т. д. [Гуселетов 2020а]. Выборы 2024 г. продемонстрировали схожие тенденции, включая высокую явку, фрагментацию партийной системы, усиление евроскептиков и правых популистов⁷.

Явка на выборы в Европарламент по странам, 2004–2024 гг., %⁸
 Turnout in European Parliament elections by country, 2004–2024, %

Table 1

	2004	2009	2014	2019	2024		2004	2009	2014	2019	2024
ЕС	45,47	42,97	42,61	50,66	50,74	Швеция	37,85	45,53	51,07	55,27	53,39
Бельгия	90,81	90,39	89,64	88,47	89,01	Венгрия	38,50	36,31	28,97	43,36	59,46
Германия	43,00	43,27	48,10	61,38	64,74	Кипр	72,50	59,40	43,97	44,99	58,86
Италия	71,72	66,47	57,22	54,50	48,31	Латвия	41,34	53,70	30,24	33,53	33,82
Люксембург	91,35	90,76	85,55	84,24	82,29	Литва	48,38	20,98	47,35	53,48	28,97
Нидерланды	39,26	36,75	37,32	41,93	46,18	Мальта	82,39	78,79	74,80	72,70	72,98
Франция	42,76	40,63	42,43	50,12	51,49	Польша	20,87	24,53	23,83	45,68	40,65
Дания	47,89	59,54	56,32	66,08	58,25	Словакия	16,97	19,64	13,05	22,74	34,38
Ирландия	58,58	58,64	52,44	49,70	50,65	Словения	28,35	28,37	24,55	28,89	41,80
Греция	63,22	52,54	59,97	58,69	41,24	Чехия	28,30	28,22	18,20	28,72	36,45
Испания	45,14	44,87	43,81	60,73	46,39	Эстония	26,83	43,90	36,52	37,60	37,64
Португалия	38,60	36,77	33,67	30,75	36,47	Болгария	29,22	38,99	35,84	32,64	33,78
Австрия	42,43	45,97	45,39	59,80	56,25	Румыния	29,47	27,67	32,44	51,20	52,40
Финляндия	39,43	38,60	39,10	40,80	40,38	Хорватия	–	20,84	25,24	29,85	21,35

Источник: European elections 2024: all you need to know (<https://elections.europa.eu/en>).

Source: European elections 2024: all you need to know (<https://elections.europa.eu/en>).

⁷ Арбатова Н. Чуда при голосовании в Европарламент не произошло. Независимая газета. 16.06.2024. (https://www.ng.ru/dipkurer/2024-06-16/9_9028_voting.html); Камкин А. Выборы в Европарламент – ожидаемый результат с долгосрочными последствиями. РСМД. 21.06.2024. (<https://russiancouncil.ru/Analytics-and-Comments/columns/europeanpolicy/vybory-v-evroparlament-ozhidaemyy-rezulstat-s-dolgosrochnymi-posledstviyami>).

⁸ Выборы в состав Европарламента 2004–2009 гг. в Болгарии и Румынии состоялись в 2007 г., в состав Европарламента 2009–2014 гг. в Хорватии – в 2013 г.

Как следует из табл. 1, сильное изменение электорального поведения, которое может свидетельствовать о признаках аномии, характерно для Германии, Венгрии, Кипра, Польши, Словакии, Румынии, Чехии. Менее значительные изменения произошли во Франции, Австрии, Швеции, Словении.

Выборы в ЕП вторичны по сравнению с национальными и региональными и соответствуют общим характеристикам партийно-политического пространства государств-членов. Ниже рассмотрены выделенные страны с высокими колебаниями явки. С точки зрения изменения электорального поведения, евровыборы в большинстве стран схожи с парламентскими и президентскими. Например, в ФРГ явка после падения в 2009 г. (с 77,65 до 70,78%) возросла к 2021 г. до 76,58%⁹. Учитывая результаты выборов в ландтаги в 2024 г., политическое участие, скорее всего, продолжит усиливаться. Причинами будут политическая поляризация (как между традиционными и протестными партиями, так и восточными и западными немцами); недовольство правящей коалицией; актуальность антимиграционной и антивоенной проблем.

Во Франции явка падала с 71,07% в 1997 г. во втором туре парламентских выборов до 42,64% в 2017 г. Однако в 2024 г. политическое участие возросло до 66,63%. Явка увеличилась вследствие роспуска Э. Макрона Национального собрания из-за победы консерваторов-евроскептиков на евровыборах и накопившихся проблем в социальной сфере. Парламентские выборы стали актом доверия президенту и его коалиции [Рубинский, Синдеев 2024]. Президентские выборы показывают схожие тенденции: падение явки с 83,77 в первом и 83,97% во втором туре в 2007 г. до 73,69 и 71,99% в 2022 г. соответственно, поэтому, с высокой долей вероятности, президентские выборы 2027 г. продемонстрируют рост явки на евровыборы и парламентские выборы. В целом национальные выборы во Франции с временным отставанием следуют за тенденциями, заложенными выборами в ЕП, а также ярко демонстрируют рост политической активности при наличии кризисных явлений.

В Венгрии пик электоральной активности пришелся на 2002 г. – 70,52%. С 2002 г. по 2014 г. явка упала до 61,84% затем стабилизировалась на уровне 69,67% в 2018 г. и 69,59% в 2022 г., но учитывая временное отставание и значительный рост участия в выборах в ЕП, можно прогнозировать увеличение явки. Кроме того, политическое участие возрастет из-за укрепления оппозиции и слабых результатов партии ФИДЕС на евровыборах¹⁰. Похожая ситуация характерна для Кипра, где выборы в ЕП соотносятся с национальными, однако более значительный временной разрыв между голосованиями может не привести к росту явки.

В Австрии явка остается стабильной (75,59% в 2019 г. и 76,25% в 2024 г.). В Швеции падение и рост явки полностью соотносились с национальными и европейскими. При этом колебания с 1991 по 2022 гг. составили всего лишь 7%. Это свидетельствует о стабильном электоральном поведении в обеих странах.

Для Польши характерен значительный рост явки на национальных выборах с 2015 г. Участие в парламентских выборах возросло с 50,92 в 2015 г. до 74,38% в 2023 г., в президентских с 48,96 в 2015 г. до 64,51% в 2020 г. в первом туре и с 55,34 до 68,18% во втором туре. В Словении явка возросла на президентских выборах с 44,24 в первом туре и 42,13% во втором в 2017 г. и до 51,74 и 53,6% в 2024 г., явка на парламентских выборах возросла

⁹ Здесь и далее показатели явки на национальных выборах приводятся на основе базы данных Международного института демократии и содействия выборам. Voter Turnout Database. International IDEA (<https://www.idea.int/data-tools/data/voter-turnout-database>).

¹⁰ Эксперт считает, что выборы в Венгрии показали, что правящей ФИДЕС требуется обновление. ТАСС. 10.06.2024. (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21063383>).

с 52,64 в 2018 г. до 70,97% в 2022 г. Схожая ситуации в Словакии, однако усиление политической активности на выборах более равномерное: участие в парламентских выборах выросло с 59,11 в 2012 г. до 68,52% в 2023 г. В Чехии также наблюдается рост явки, однако он незначителен на парламентских (с 59,48 в 2013 г. до 65,39% в 2021 г.), а на президентских составляет около 10% (в 2013 г. в первом туре – 61,27, во втором – 59,08%; в 2023 – 68,24 и 70,25% соответственно).

В Румынии на национальных выборах зафиксировано падение явки. Участие в парламентских выборах снизилось с 79,69 в 1990 г. до 39,20% в 2008 г. После того как явка возросла в 2012 г. до 41,76%, она продолжила падать и достигла 31,95% в 2020 г. Участие в президентских выборах после роста в 2009 г. с 58,02 во втором туре до 64,11 в 2014 г. во втором туре упало до 54,86% в 2019 г. Явка снизилась условиях антиправительственных демонстраций, коррупционных скандалов, тяжелой пандемийной ситуации и смены правящей партии в 2020 г., что свидетельствует о разочаровании общества в политической элите и выборах. Низкое политическое участие на парламентских выборах 2020 г. также было вызвано пандемией COVID-19 [Гуселетов 2020b].

Показательна ситуация в Литве, где наблюдаются очень высокие колебания электорального поведения на евровыборах. Однако низкая явка в 2024 г. – 28,97% – может объясняться психологической усталостью: выборы в ЕП стали третьими в году – после парламентских и президентских, которые проходили в два тура. В 2014 и 2019 гг. высокий уровень явки на евровыборах – 47,35 и 53,48% – был обусловлен тем, что выборы в Европарламент и второй тур президентских выборов проходили в одно время. В 2009 г. явка составила 20,98%. Выборы, как и в 2024 г. проходили после парламентских и президентских. При этом одновременно с первым туром парламентских выборов состоялся референдум о продлении работы Игналинской АЭС, а второй тур президентских выборов не состоялся.

Несмотря на то что в целом политическое участие на наднациональном уровне соответствует национальному с отложенным эффектом, синхронность в электоральном поведении менее характерна для стран Восточной Европы. В целом, политическая апатия мало соотносится с идеей как политического, так и социального кризиса. Более того, ситуация в странах, где явка постепенно снижается (например, в Италии), соответствует глобальным тенденциям, а значит не может трактоваться как кризисная. В итоге, аномия в политическом поведении связана не столько с абсентеизмом, сколько с мобилизацией, сменой электорального поведения и различными случайными факторами (например, психологическая усталость и даты выборов).

Таким образом, исходя из институционального политического участия признаки аномии наблюдаются в следующих странах: ФРГ, Франция, Польша, Словения. Потенциально аномия может быть характерна для обществ Португалии, Австрии, Венгрии, Кипра (если явка на национальных выборах возрастет), Словакии, Чехии, Румынии.

Электоральное поведение в странах Восточной Европы может объясняться разочарованностью в интеграционных процессах, конфликтом ряда стран (например, Польши, Венгрии, Болгарии, Чехии, Румынии) с Брюсселем по вопросу интеграции беженцев, украинского зерна, верховенства права. Кроме того, при рассмотрении общественных трансформаций важным отличием выступает положение среднего класса как социальной среды, способной «генерировать наиболее универсальные решения для общества» в условиях кризисов [Мартыянов 2016, 58]. Если фрагментарность и поляризация политического пространства в странах Западной Европы может быть следствием расслоения среднего класса, то в странах Восточной Европы он находится в стадии формирования¹¹.

¹¹ См., например о среднем классе в Польше: [Котулевич-Вишиньска 2019].

Социальная мобильность и социальные лифты

В качестве второго параметра для оценки признаков аномии была выбрана социальная мобильность. В контексте аномии недоступность социальных лифтов должна способствовать эскапизму, социальному и гражданскому отторжению.

Проблема социальной мобильности тесно связана с социальным неравенством. Большая мобильность обусловлена меньшим социальным неравенством и высоким уровнем доступности социальных лифтов. Однако, согласно докладу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 2018 г., ряд европейских стран (Австрия, Франция, Германия, Венгрия) не вписываются в эти параметры. В этих странах высокий уровень равенства доходов сочетается с низкой социальной мобильностью¹². В целом для стран ЕС характерен высокий уровень социальной мобильности, доступа как к образованию и профессиональным возможностям – основным социальным лифтам. Согласно докладу Всемирного экономического форума (ВЭФ) 2020 г., самый высокий уровень социальной мобильности фиксируется в европейских странах (особенно в странах Северной Европы)¹³. Это подтверждают и данные ОЭСР: «Детям из нижнего дециля по заработкам потребуется всего около двух поколений, чтобы достичь уровня среднего заработка в странах Северной Европы, но от четырех до шести поколений в странах континентальной Европы и гораздо больше в странах с развивающейся экономикой»¹⁴. Ключевыми препятствиями для социальной мобильности выступают равенство в оплате труда, недостатки в охвате и ограниченное финансирование механизмов социальной защиты, низкое предложение программ обучения на протяжении всей жизни¹⁵. В рейтинге социальной мобильности ВЭФ 11-е место занимает Германия, 12-е место – Франция. Страны Восточной Европы находятся ниже Западной Европы, но с некоторыми исключениями (см. табл. 2). Словения следуют за Францией, а Италия занимает 34-е место. Самые низкие позиции в рейтинге занимают Хорватия, Венгрия, Болгария, Румыния и Греция.

Согласно табл. 2, в сфере доступности образования наиболее низкий показатель среди стран ЕС у Болгарии, Румынии, Греции, Хорватии, а качества и равенства – Италии и Румынии. Наихудшие результаты в области профессиональных возможностей характерны для Испании, Греции, Италии, а распределения заработной платы – для Литвы, Латвии, Португалии, Эстонии, Ирландии.

Однако взятый в отдельности показатель недоступности социальных лифтов не обязательно порождает аномию и не свидетельствует о потенциале социального изменения. Аномия в контексте мобильности предполагает, что институты не приводят к продвижению по социальной лестнице, а достижение социальных позиций – к улучшению условий жизни. Что касается вопроса профессиональной мобильности, то сильный разрыв между возможностями работы и справедливым распределением заработной платы наиболее характерен для Германии. В большинстве стран Европы наблюдается высокий уровень безработицы при высоком уровне распределения трудовых доходов.

¹² OECD. A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility. OECD Publishing, Paris. 2018. P. 16. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264301085-en>

¹³ The Global Social Mobility Report 2020. Equality, Opportunity and a New Economic Imperative. January 2020. (http://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf).

¹⁴ OECD. A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility. OECD Publishing, Paris. 2018. P. 16. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264301085-en>

¹⁵ The Global Social Mobility Report 2020. Equality, Opportunity and a New Economic Imperative. January 2020. World Economic Forum (http://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf).

Таблица 2

Индекс социальной мобильности по государствам-членам ЕС на 2020 г.¹⁶

Table 2

Social Mobility Index by EU Member States 2020

	Индекс социальной мобильности	Доступ к образованию	Качество и равенство образования	Профессиональные возможности	Справедливое распределение заработной платы
Дания	85,2	85,0	86,1	82,1	80,7
Финляндия	83,6	82,2	83,8	70,5	85,1
Швеция	83,5	84,6	87,4	74,7	74,0
Нидерланды	82,4	88,1	77,0	81,9	68,9
Бельгия	80,1	80,6	77,3	75,1	88,4
Австрия	80,1	85,3	85,4	79,2	61,1
Люксембург	79,8	78,3	82,2	80,1	64,8
Германия	78,8	85,4	75,8	84,0	59,7
Франция	76,7	78,5	72,6	68,4	74,9
Словения	76,4	77,0	77,3	77,7	78,9
Мальта	75,0	71,1	75,2	79,7	74,1
Ирландия	75,0	78,4	78,8	74,9	53,8
Чехия	74,7	82,2	73,5	76,6	74,3
Эстония	73,5	75,2	76,5	77,4	53,9
Португалия	72,0	69,0	76,9	73,8	50,2
Литва	70,5	79,3	83,2	67,4	48,7
Испания	70,0	72,3	74,4	50,4	59,9

¹⁶ Индекс глобальной социальной мобильности строится на основе 55 индикаторов, разделенных по пяти областям и 10 компонентам: здоровье, образование (доступ к образованию, качество образования и равенство образовательных возможностей, обучение на протяжении жизни), доступ к технологиям, труд (профессиональные возможности, справедливое распределение заработной платы, условия труда), социальная защита и инклюзивные институты. Ранжирование стран по компоненту индекса «доступ к образованию» строится на основе следующих показателей: охват дошкольного образования (%); качество профессионального обучения (оценка от 1 до 7); процент молодежи вне занятости и обучения от 15 до 24 лет; процент детей, не посещающих школу; индекс образования с учетом неравенства (оценка с 0 до 100). По компоненту «качество и равенство образования» – процент детей, владеющих языком ниже минимального уровня (%); доля учеников на одного учителя в дошкольном образовании (%); в начальном образовании (%); в среднем образовании (%); гармонизированные результаты обучения (баллы); социальное разнообразие в школах (баллы); нехватка учебных материалов у детей из неблагополучных семей (%). По компоненту «профессиональные возможности» – безработица среди рабочей силы с базовым образованием (%), со средним образованием (%), с высшим образованием (%), в сельской местности (%), соотношение уровня участия женщин и мужчин в рабочей силе, доля работников с нестабильной занятостью (%). По компоненту «справедливое распределение заработной платы» – распространенность низкой оплаты труда (% работников), соотношение трудовых доходов между четырьмя нижними децилями и верхним децилем (%), соотношение трудовых доходов нижних 50% к верхним 50% (%), средний доход нижних четырех децилей (% от среднего национального дохода), скорректированная доля трудового дохода (%). Более подробно о методологии исследования, определениях индикаторов и источниках см.: The Global Social Mobility Report 2020. Equality, Opportunity and a New Economic Imperative. January 2020. World Economic Forum. pp. 205–214. (http://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf).

	Индекс социальной мобильности	Доступ к образованию	Качество и равенство образования	Профessionальные возможности	Справедливое распределение заработной платы
Кипр	69,4	66,2	76,7	68,5	56,0
Польша	69,1	66,2	81,8	75,2	60,0
Латвия	69,0	74,5	83,4	67,9	51,1
Словакия	68,5	69,2	65,4	64,0	77,8
Италия	67,4	68,0	79,1	61,2	65,2
Хорватия	66,7	60,7	78,9	63,8	72,9
Венгрия	65,8	67,2	72,6	79,6	66,3
Болгария	63,8	55,8	70,9	71,2	61,2
Румыния	63,1	54,2	64,0	75,1	68,5
Греция	59,8	60,2	74,6	36,6	60,6

Источник: *The Global Social Mobility Report 2020. Equality, Opportunity and a New Economic Imperative. January 2020. World Economic Forum. 217 p. (http://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf).*

Source: *The Global Social Mobility Report 2020. Equality, Opportunity and a New Economic Imperative. January 2020. World Economic Forum. 217 p. (http://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf).*

О социальном кризисе свидетельствует понимание в обществе отсутствия равенства и недоступности социальных лифтов. Согласно исследованиям Европарометра 2017 г.¹⁷ и 2022 г.¹⁸ в серии «Справедливость, неравенство и межпоколенческая мобильность», восприятие равенства в ЕС снизилось на 9% (общая доля согласных с ответом на вопрос «в настоящее время (в вашей стране) у вас есть равные возможности для достижения успеха в жизни, как и у всех остальных (%))». Меньше половины согласны с этим мнением (47%). Эта тенденция не коснулась только Румынии (с утверждением согласилось на 2% больше, а не согласились на 10% меньше, чем в 2017 г.). Самый высокий показатель разницы между 2017 и 2022 гг. в Нидерландах: на 36% меньше респондентов согласны с наличием равенства. Наибольшие изменения в положительном восприятии равенства и справедливости произошли на Мальте (–20%), в Ирландии (–20%), Дании (–18%), Германии (–17%), Швеции (–16%). При этом этот показатель значительно различается между Западной и Восточной Европой: в Словении (–12%), Латвии (–9%), Польше (–8%). Исключением из этой тенденции стала Франция (падение только на 5%)¹⁹.

¹⁷ Special Eurobarometer 471. Fairness, inequality and intergenerational mobility. December 2017. Report. April 2018. DOI: 10.2760/288550

¹⁸ Special Eurobarometer 529. Fairness, inequality, and intergenerational mobility. May – June 2022. Report. 2023. DOI: 10.2767/175902; Special Eurobarometer 529. Fairness, inequality, and intergenerational mobility. May – June 2022. Data annex. February 2023. (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2652>).

¹⁹ Special Eurobarometer 471. Fairness, inequality and intergenerational mobility. December 2017. Report.

April 2018. T5. DOI: 10.2760/288550; Special Eurobarometer 529. Fairness, inequality, and intergenerational mobility. May – June 2022. Data annex. February 2023. P. 4. (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2652>).

Что касается представлений о социальных лифтах, оно не сильно поменялось с 2017 по 2022 гг. Наибольшие изменения произошли в представлениях о семье, т. е. о неприобретенных характеристиках. В области отношения к труду на 2% меньше европейцев стали считать работу важным фактором социальной мобильности, как и в целом опрошенные в разных странах ЕС. Наибольшая разница в восприятии между 2017 и 2022 гг. наблюдалась в Словении (−7%), Португалии (−6%), Германии (−5%), Нидерландах (−4%) (показатели «необходимый» и «важный»). Несмотря на кризисные явления в социальной сфере, пандемию, развитие украинского конфликта, эта область показывает высокую степень устойчивости. Большая вера в возможность вертикальной мобильности через труд стала характерна для Чехии (5%), Болгарии (4%), Латвии (4%). В отношении к образованию наибольшие изменения коснулись респондентов в Венгрии (рост на 11%), Болгарии (5%) и Литве (5%). Показатель отношения к образованию как самому важному социальному лифту упал в Австрии (−10%), Дании (−9%), Германии (−7%), Люксембурге (−7%), Румынии (−7%)²⁰.

Недоверие к социальным лифтам стало также одной из тенденций для ряда стран, однако в целом в ЕС-27 доля опрошенных, считающих рождение в благополучной семье важным для социальной мобильности, упала на один процент. Наибольшее падение произошло в Чехии на 11% и Словакии на 7%. Происхождение из богатой семьи стало более важным для жителей Люксембурга (16%), Мальты (16%) и Нидерландов (11%)²¹. В целом, изменение отношения к равенству и восприятия приобретенных и неприобретенных качеств, необходимых для восходящей мобильности, свидетельствует о том, что граждане государств-членов ЕС меньше верят в социальную справедливость. В странах Западной Европы стали больше осознавать наличие неравенства и недоступность социальных лифтов. В странах Восточной Европы стали больше ценить образование и труд как возможность продвижения в социальной иерархии.

В отношении восприятия межпоколенческой мобильности значительно увеличилась доля людей, считающих себя более образованными по сравнению с родителями, во всех странах ЕС, кроме Португалии. Незначительный рост (менее 10%) произошел в Эстонии (1%), Франции (9%), на Кипре (6%) и в Швеции (4%) по сравнению с отцами, а также в Бельгии (7%), Болгарии (9%), Дании (3%), Германии (9%), Греции (6%) по сравнению с матерями²². Это свидетельствует о том, что опрошенные в перечисленных странах воспринимают настоящеенамного более пессимистично, чем граждане других государств – членов ЕС.

Традиционным выражением недоступности или дисфункции социальных лифтов становится миграция. С 2016 г. новой тенденцией в географической мобильности внутри ЕС стал в ней рост доли людей с высоким уровнем образования, что свидетельствует об интеллектуальной миграции, или «утечке мозгов»²³. Одним из важнейших источников

²⁰ Special Eurobarometer 471. Fairness, inequality and intergenerational mobility. December 2017. Report. April 2018. P. T18. DOI: 10.2760/288550; Special Eurobarometer 529. Fairness, inequality, and intergenerational mobility. May – June 2022. Data annex. February 2023. P. 8. (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2652>).

²¹ Special Eurobarometer 471. Fairness, inequality and intergenerational mobility. December 2017. Report. April 2018. T16. DOI: 10.2760/288550; Special Eurobarometer 529. Fairness, inequality, and intergenerational mobility. May – June 2022. Data annex. February 2023. P. 6. (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2652>).

²² Special Eurobarometer 471. Fairness, inequality and intergenerational mobility. December 2017. Report. April 2018. P. T55. DOI: 10.2760/288550; Special Eurobarometer 529. Fairness, inequality, and intergenerational mobility. May – June 2022. Data annex. February 2023. P. 29. (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2652>).

²³ Gigani M. EU seeks to stem brain drain. Euranet Plus News Agency. 12.01.2024. (<https://euranetplus-inside.eu/eu-seeks-to-stem-brain-drain/>).

человеческих ресурсов для стран Западной Европы выступают страны Восточной Европы и Прибалтики. В 2019 г. из стран Восточной Европы и Прибалтики всего эмигрировало 13,7 млн человек. Из них около 70% переместились в страны ЕС с высоким уровнем доходов²⁴. Почти каждый пятый высокообразованный и высококвалифицированный специалист из Румынии, Болгарии и Хорватии покинул страну²⁵. Согласно докладу Европейской комиссии 2024 г., в течение 2017–2022 гг. граждане Румынии (25%), Польши (12%) и Италии (10%) представляли самые большие группы среди перемещающихся внутри ЕС²⁶.

Перемещение человеческих ресурсов подрывает благополучие стран исхода и при этом способствует экономическому росту принимающих стран, что приводит к росту межстратного неравенства. В особенности на состояние аномии и восприятие кризиса в странах Восточной Европы в долгосрочной перспективе повлияет миграция работников в секторе здравоохранения, так как, по мнению европейцев, последнее выступает одним из основных элементов и приоритетов социально-экономического развития²⁷.

Кроме того, в условиях развития дистанционной занятости²⁸ и изменения глобальной конкуренции (усиление технологического потенциала Китая, ослабление конкурентных преимуществ ЕС, быстрый экономический рост стран и регионов Глобального Юга) Евросоюз может также столкнуться с реемиграцией высококвалифицированных работников из стран Азии и Африки²⁹, эмиграцией IT-специалистов и релокацией производств вместе с рабочей силой³⁰.

Заключение

Социальный кризис, исходя из рассмотренных параметров, по-разному проявляется в государствах-членах ЕС. Заметны сильные различия между Западной и Восточной Европой. В целом, асинхронность как политических, так и социальных процессов и низкие показатели социальной мобильности в новых государствах-членах свидетельствуют о росте социальной напряженности в Евросоюзе.

На основе рассмотренных параметров можно выделить страны, в которых наиболее ярко проявляются признаки аномии – Германия, Венгрия, Кипр, Словения, Нидерланды. В последних произошли самые значительные изменения в восприятии равных возможностей при существенном росте значимости неприобретенных возможностей

²⁴ Миграция и «утечка мозгов». Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии. Международный банк реконструкции и развития, Всемирный банк. 2019. С. 8, 31. DOI: 10.1596/978-1-4648-1506-5

²⁵ Demirgüt-Kunt A., Muller C. Существует ли стратегия защиты от утечки мозгов в Европе? Перспективы Евразии. Блоги Всемирного Банка. 09.10.2019. (clck.ru/3EGVUf).

²⁶ European Commission. Annual Report on Intra-EU Labour Mobility 2023. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2024. 159 p. DOI: 10.2767/59413

²⁷ Special Eurobarometer 546. Social Europe. Feb. – Mar. 2024. Report. April 2024. DOI: 10.2767/922800; Flash Eurobarometer 550. EU challenges and priorities. June – July 2024. Report. 2024. DOI: 10.2775/66736

²⁸ После пандемии COVID-19 доля занятых удаленно снизилась, но она остается выше, чем до пандемии. Согласно Евростату в 2019 г. удаленно трудились 5,4% работников, в 2023 г. – 8,9%. Employed persons working from home as a percentage of the total employment, by sex, age and professional status (%). Eurostat. 13.09.2024. DOI: https://doi.org/10.2908/LFSA_EHOMP

²⁹ Европу ждет обратная «утечка мозгов»: до 3,5 млн высококвалифицированных специалистов могут вернуться на родину. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. 08.07.2021. (<https://www.hse.ru/news/484812275.html>).

³⁰ Robertson J. China's Semiconductor Ambitions Fuel European Brain Drain. Bloomberg. 19.07.2023. (<https://clck.ru/3EGbQQ>); Europe in the Crosshairs. Strider. 19.07.2023. (<https://clck.ru/3EGvRB>).

социальной мобильности (например, происхождения). Во Франции, несмотря на высокую явку, восприятие социальных лифтов и равенства не сильно поменялось: согласно Европарометру, всего лишь на 5% меньше опрошенных во Франции в 2021 г. согласны или полностью согласны с наличием равных возможностей для достижения успеха по сравнению с 2017 г. Более того, показатели межпоколенческой мобильности практически не изменились по сравнению с другими странами ЕС, что может свидетельствовать о восприятии кризиса, политических и социальных расколов как нормальных, а также объясняться временными отрезками исследований. В Румынии и Польше социальные издержки возможно складываются миграцией активного населения. Это в особенностях характерно для первой – единственной страны Евросоюза, общество которой стало считать жизнь более справедливой, несмотря на кризисные явления в стране и низкие показатели социальной мобильности. Для Словении характерен рост явки, высокий уровень социальной мобильности, однако изменение восприятия труда и равенства свидетельствуют о разрыве между объективным положением и субъективным отношением к кризисным явлениям.

Современные методы и подходы к исследованию аномии (например, теория рационального избирателя) мало учитывают кризисные условия; культурные факторы; диспропорции между государствами-членами; положительное влияние процессов, традиционно считавшихся неблагоприятными (например, миграции); специфику современного социально-экономического развития Евросоюза и государств-членов. Актуальным представляется поиск индикаторов, которые могут подходить для всех стран – членов Евросоюза с учетом их социально-экономического развития и культурных особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Амоненко С.А. (2022) Понятие социального кризиса: проблема концептуализации и методы исследования // Философские исследования. Вып. 9. С. 100–111.
- Amonenko S.A. (2022) The concept of social crisis: the problem of conceptualization and research methods. *Filosofskie issledovaniya*, iss. 9, pp. 100–111. (In Russ.)
- Бирюков С.В., Кисляков М.М., Щеглова Д.В., Прокопенко С.А. (2018) Электоральный абсентеизм в контексте современных социально-политических трансформаций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 43. С. 171–180.
- Biryukov S.V., Kislyakov M.M., Shcheglova D.V., Prokopenko S.A. (2018) Electoral Absenteeism in the Context of Modern Socio-political Transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 43, pp. 171–180. (In Russ.)
- Говорова Н.В. (2023) Уровень и качество жизни в ЕС: вызовы «новой» реальности // Современная Европа. № 4. С. 146–156. <https://doi.org/10.31857/S0201708323040083>
- Govorova N.V. (2023) Living standards and quality of life in the EU. *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 146–156. <https://doi.org/10.31857/S0201708323040083> (In Russ.)
- Гуселетов Б.П. (2020а) Итоги европейских выборов 2019: новая расстановка сил в Европарламенте и Еврокомиссии, включая гендерный аспект // История и современное мировоззрение. Т. 2. № 4. С. 10–16. <https://doi.org/10.33693/2658-4654-2020-2-4-10-16> (In Russ.)
- Guseletov B.P. (2020a) Results of the 2019 European elections: New balance of power in the European Parliament and the European Commission, including the gender aspect. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie*, vol. 2, no. 4, pp. 10–16. <https://doi.org/10.33693/2658-4654-2020-2-4-10-16> (In Russ.)
- Гуселетов Б.П. (2020б) Итоги парламентских выборов в Румынии // Аналитические записки ИЕ РАН. Выпуск IV. <http://doi.org/10.15211/analytics462020>

- Guseletov B.P. (2020b) Results of Parliamentary Elections in Romania. *Analiticheskie zapiski IE RAN*, issue 4. <http://doi.org/10.15211/analytcs462020> (In Russ.)
- Дериглазова Л.В., Чепчугова А.П., Менх В.В. (2021) Проблема социального отторжения в странах ЕС: определение и методы измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. Т. 14. № 2. С. 201–224. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.205> (In Russ.)
- Deriglazova L.V., Chepchugova A.P., Menkh V.V. (2021). The problem of social exclusion in EU countries: Definition and measurement methods. *Vestnik of Saint Petersburg University: International Relations*, vol. 14, no. 2, pp. 201–224. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.205> (In Russ.)
- Кавешников Н.Ю. (2023) Европейский союз: история, институты, деятельность. М.: Аспект Пресс. 368 с.
- Kaveshnikov N.Yu. (2023) *Evropeiskii soyuz: istoriya, instituty, deyatel'nost'* [European Union: History, Institutions, Activities: Textbook]. Moscow: Aspekt Press. 368 p. (In Russ.)
- Кара-Мурза С.Г. (2012) Кризисное обществоведение. Часть вторая. Курс лекций. М.: Научный эксперт. 384 с.
- Kara-Murza S.G. (2012) *Krizisnoe obshchestvovedenie. Chast' vtoraya. Kurs lekcij* [Crisis Social Science. Part Two. Lecture Course]. Moscow: Nauchny Expert. 384 p. (In Russ.)
- Кара-Мурза С.Г. (2013) Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт. 260 с.
- Kara-Murza S.G. (2013) *Anomija v Rossii: prichiny i provajlenija* [Anomie in Russia: Causes and Manifestations]. Moscow: Nauchny Expert. 384 p. (In Russ.)
- Катерный И.В. (2023) Развитие теории кризиса в социологии: эволюция идей и современность // Социологические исследования. № 10. С. 14–26. <https://doi.org/10.31857/S013216250028301-4>
- Kateryni I.V. (2023) Development of Crisis Theory in Sociology: Evolution of Ideas and Modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 14–26. <https://doi.org/10.31857/S013216250028301-4> (In Russ.)
- Кравченко С.А. (2014) «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. № 8. С. 3–10.
- Kravchenko S.A. (2014) «Normal Anomie»: Outlines of the Concept, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 3–10. (In Russ.)
- Колядко И.Н. (2018) Кризис в процессах трансформации социума: социально-философский анализ // Философские исследования. Вып. 5. С. 87–97.
- Kolyadko I.N. (2018) Crisis in the processes of transformation of society: socio-philosophical analysis. *Filosofskie issledovaniya*. iss. 5, pp. 87–97. (In Russ.)
- Котулевич-Вишиньска К. (2019) Средний класс в современной Польше // Современная Европа. № 7. С. 59–71. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720195971>
- Kotulevich-Vishinskaya K. (2019) The Middle Class in Modern Poland. *Sovremennaya Evropa*, no. 7, pp. 59–71. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720195971> (In Russ.)
- Кузнецов А.В. (2019) Явка на выборах в Европарламент: изменение отношения к ЕС жителей разных стран-членов // В: Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции. Ред.: Квашнина Ю.Д., Кудрявцева А.К., Плевако Н.С., Швейцера В.Я. М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН. С. 18–22.
- Kuznetsov A.V. (2019) Voter turnout in the European Parliament elections: Changing attitudes towards the EU among citizens of different member states. In: *Vybory v Evroparlament – 2019: nacional'nye otvety na dilemmy evropejskoj integracii*. Eds.: Kvashnin Yu.D., Kudryavtsev A.K., Plevako N.S., Schweitzer V.Ya. Moscow: IMEMO RAS, IE RAS. Pp. 18–22. (In Russ.)
- Лапина Н.Ю. (2023) Социальный протест в глобальном мире // Актуальные проблемы Европы. № 3. С. 7–31. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.01>
- Lapina N.Yu. (2023) Social Protest in the Global World. *Actual Problems of Europe*, no. 3, pp. 7–31. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.01> (In Russ.)

- Локосов В.В. (2008) Кризис социальный // В: Социологический словарь. Ред: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. М.: Норма. С. 204.
- Lokosov V.V. (2008) Social Crisis. In: *Sotsiologicheskii slovar'* (Eds.): Osipov G.V., Moskvichev L.N. Moscow: Norma. P. 204. (In Russ.)
- Лункин Р.Н. (2023) Социальное неравенство в современном обществе риска // Современная Европа. № 7. С. 176–191. <https://doi.org/10.31857/S0201708323070148> (In Russ.)
- Lunkin R.N. (2023) Social Inequality: The Modern Risk Society. *Sovremennaya Evropa*, no. 7, pp. 176–191. <https://doi.org/10.31857/S0201708323070148> (In Russ.)
- Мартынов В.С. (2016) Прощай, средний класс // Свободная мысль. № 5. С. 53–70.
- Martyanov V.S. (2016) Farewell, Middle Class. *Svobodnaya mysль'*, no. 5, pp. 53–70. (In Russ.)
- Мещерякова Н.Н. (2014) Теоретико-методологические подходы к изучению социальной аномии в российском обществе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3 (27). С. 104–113.
- Meshcheryakova N.N. Theoretical and methodological approaches to the study of social anomie in Russian society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*, no. 3(27), pp. 104–113.
- Митрополитски С. (2016) Интерпретационный подход к голосованию. Российский опыт // Полис. Политические исследования. № 4. С. 65–80. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.07>
- Mitropolitsky S. (2016) Interpretive Approach to Voting. Russian Experience. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 65–80. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.07> (In Russ.)
- Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. (2024) Поиск новой стратегии франко-германского tandem: период ограниченной дееспособности // Современная Европа. № 5. С. 36–48. <https://doi.org/10.31857/S0201708324050036>
- Rubinskiy Yu.I., Sindeev A.A. (2024) In Search of a New Strategy of the Franco-German Tandem: Period of Limited Capacity. *Sovremennaya Evropa*, no. 5, pp. 36–48.
- Alexander J.C. (2018) The Societalization of Social Problems: Church Pedophilia, Phone Hacking, and the Financial Crisis. *American Sociological Review*. No. 00(0). Pp. 1–30. <https://doi.org/10.1177/0003122418803376>
- Bashir H., Bala R. (2019) Development and Validation of a Scale to Measure Anomie of Students. *Psychol Stud*. Vol. 64. No. 2. Pp. 131–139.
- Bernburg J.G. (2019) Anomie Theory // In: Oxford Research Encyclopedia of Criminology. Ed.: H.N. Pontell. Oxford University Press. (<https://oxfordre.com/criminology/view/10.1093/acrefore/9780190264079.001.0001/acrefore-9780190264079-e-244>).
- Chamlin M., Cochran J. (1995) Assessing Messner and Rosenfeld's Institutional Anomie Theory: A Partial Test. *Criminology*. No. 33. Pp. 411–429.
- Kapsa I. (2020) Political Trust vs. Turnout in Modern Democracies. *Polish Political Science Yearbook*. Vol. 49. No. 3. Pp. 151–160. <https://doi.org/10.15804/ppsy2020309>
- Walby S. (2022) Crisis and society: developing the theory of crisis in the context of COVID-19. *Global Discourse*. Vol. 12. No. 3–4. Pp. 498–516. <https://doi.org/10.1332/204378921X16348228772103>
- Ferrera M., Kriesi H., Schelkle W. (2024) Maintaining the EU's compound polity during the long crisis decade. *Journal of European Public Policy*. Vol. 31. No. 3. Pp. 706–728. <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2165698>
- Fiorino N., Pontarollo N., Ricciuti R. (2017) Supra National, National and Regional Dimensions of Voter Turnout in European Parliament Elections. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 30 p.
- Rosenfeld R., Messner S.F. (2006) The Origins, Nature, and Prospects of Institutional-Anomie Theory. In: *The Essential Criminology Reader*. Ed.: S. Henry. N.Y.: Routledge. Pp. 164–173.
- Solijonov A. (2016) Voter Turnout Trends around the World. Stockholm: International IDEA. 51 p.

Swader C.S., Kosals L.Y. (2013) Post-socialist anomie through the lens of economic modernization and the formalization of social control. *Working papers by NRU Higher School of Economics. Series SOC “Sociology”*. No. 17. Pp. 2–32.

Информация об авторе

Колесов Денис Иванович, младший научный сотрудник Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моковая ул., дом 11, стр. 3. E-mail: deniskolesov@gmail.com

About the author

Denis I. Kolesov, Junior Research Fellow, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Address: 125009, Mokhovaya St. 11-3, Moscow, Russia. E-mail: deniskolesov@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 31.10.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 20.11.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 15.12.2024